

ОДНИМ – ПОМОГАЕТ, А ДРУГИМ – НЕТ

Вернувшись после долгого отсутствия в Париж, Косарев разыскал Васильева в туберкулезном отделении одного из городских госпиталей, и стал каждую неделю навещать.

Он приносил ему газеты, журналы, иногда – ещё что-нибудь. Васильев с нудными медицинскими подробностями, рассказывал о своей болезни, жаловался на врачей и сиделок, на госпитальные порядки вообще. Говорили о происходящим в России; о политике французского кабинета; об общих знакомых. Имя Нины ни тем, ни другим не было произнесено ни разу.

В ранней молодости Косарев и Васильев были друзьями. С Ниной Лазаревой, молоденькой и очень бойкой девицей, оба они познакомились на какой-то вечеринке. И оба в неё влюбились. Косарев был гораздо интереснее своего приятеля. Нина кокетничала с ним, «завлекала», как он говорил, позволяла украдкой себя целовать. А потом, вдруг, для всех неожиданно, вышла за Васильева. «Завлекать» Косарева, однако, не перестала. Раз, несколько месяцев после свадьбы, когда они были вдвоём, она бросилась ему на шею, и со слезами стала уверять, что брак её – ужасная ошибка, что она несчастна, так как любит его одного... Косарев «не устоял». И этого-то, то есть предательства по отношению к другу, он никогда не мог себе простить. Бывать у них он перестал, а на недоумевающие вопросы Васильева ответил: «Спроси у своей жены». Нина, как он потом узнал, объяснила мужу, что ей пришлось выгнать Косарева, потому что он к ней приставал.

Во время оккупации Косарев слышал, что Нина своего мужа бросила и живёт с немецким офицером; говорили тоже, будто

Васильев покушался на самоубийство. Потом он несколько лет не имел о своём бывшем приятеле никаких сведений. Когда они теперь встретились, - от прежней дружбы мало что оставалось: Косарев приходил, исполняя долг, из жалости. Хотел, может быть, и вину свою загладить. Васильев это чувствовал. Обоим было неловко.

Придя как-то в неурочный день, Косарев застал сидевшую около койки Васильева пожилую даму. Они горячо спорили. Васильев сердился, дама казалась расстроенною.

Небольшая, тоненькая, лет шестидесяти, она имела очень привлекательную наружность: от серебристо-белых кудрей лицо её казалось не бледным, а – светлым. Глаза – большие, детски ясные – были тоже необыкновенно светлы.

И сразу, как только, увидав его, она улыбнулась, Косарев почувствовал себя будто, после долгой разлуки, кого-то родного встретил. Он не помнил, чтобы при первом знакомстве с кем-либо другим подобное испытал.

«Кто она такая? Почему Васильев мне о ней не говорил? – думал он. – «И почему он нас не знакомит? Ему как будто, неприятно, что мы встретились».

Дама, заторопившись уходить, стала вынимать из клеенчатой сумки принесённые для больного яйца, ветчину в бутылке, бутылку сиропа, сухари. Васильев следил за ней с иронической усмешкой. Простившись, она пошла к двери, но вернулась, и стала искать свой зонтик.

– Не было у вас зонта, - раздражённо сказал ей Васильев. – Вам, Эльза Эдуардовна, надо что-нибудь принимать от забывчивости.

– Разве есть такое лекарство? – спросила она, не заметив насмешки. Потом, поняв, добродушно и застенчиво засмеялась.

– Кто это? – спросил Косарев, когда она вышла из палаты.

Васильев сделал пренебрежительную гримасу:

– Так...особа одна добродетельная. По госпиталям русских посещает. Ничего старушенция. Наивная только ужасно. Ну, и проповедовать чересчур охотница: «Надейтесь на Бога», говорит. «Я, как только что, – прямо к Нему. И Он мне всегда, всегда помогает». «Отчего же», спрашиваю я, «Вам Он помогает, а мне нет?» Подумала немножко, да и говорит: «Вы, по-моему, сами Ему мешаете». Точно, понимаешь, о знакомом каком-нибудь. – Васильев раскашлялся, отхаркнув мокроту в стакан. – Она, видишь ли, по рождению-то – протестантка. Потом, кажется во время войны, - православие приняла. Вот теперь и старается, не за страх, а за совесть.

Косарев стал нарочно приходить в те дни, когда бывала Эльза Эдуардовна. Он скоро с ней подружился. Вечером заходил иногда в её маленькую уютную квартирку. Он заставлял её обыкновенно за чертёжной доской: рисовала каталоги для одного из *Больших магазинов*¹.

Она нравилась ему всё больше. Нравилась даже своими чудачествами: рассеянностью, забывчивостью (всегда говорила: «Дай, Бог, памяти!»), совершенной неспособностью понимать васильевские колкости. Особенно нравилось ему, что она думала и выражалась по-своему, непохоже на других.

---

¹ универсальные магазины (Les Grands Magasins)

Когда они выходили раз вместе из госпиталя, она с сокрушением сказала:

– Не готов он!

– То есть как «не готов»?

– Приготовится ему надо: он не долго протянет.

Косарев заметил ей, что Васильев неверующий.

– Он не неверующий, а недоверчивый, - возразила она. И, пристально на него взглянув: – Вроде вас. Мало Богу доверяете. Сами напутаете, а потом на Него спихиваете.

Тут Косарев к удивлению своему узнал, что прошлое его приятеля Эльзе Эдуардовне до мелочей известно. Постоянно за глаза над ней смеясь, Васильев, стало быть, со «старой чудачкой», в то же время, откровенничал?

Сообщила Эльза Эдуардовна Косареву и тайну тех споров, за которыми он не раз её с Васильевым заставлял: она, оказывается, уговаривала его помириться с Ниной.

– Зачем это? – удивился Косарев.

– Как «зачем»? Ведь ему умирать.

Несколько шагов они шли молча.

– Жена его, вы наверно, знаете, опять здесь, в Париже, – начала Эльза Эдуардовна. – Сперва он слушать не хотел, злился. Потом обещал. Даже адрес мне дал. Чтобы я ей написала. А следующий раз прихожу: «Не смейте, говорит, ей писать. Я передумал». Упрямя! Ну, да Господь на его упрямство смотреть особенно не станет!

В этом разговоре Эльза Эдуардовна кое-что от Косарева скрыла. Но хитрить она была неспособна, и скоро призналась: тайком от Васильева она Нине всё-таки написала.

– Месяца уж два прошло. А ответа всё нет! – прибавила грустно. – Собираюсь теперь к ней съездить. Только, ради Бога, ни слова ему! Он грозился, что, если поеду, совсем меня пускать к себе не велит.

Косарев обещал молчать, но ездить он ей решительно отсоветовал.

– Ничего из этого не выйдет. Нина – пустая, бессердечная женщина. Эгоистка до мозга костей.

– Ну, ну! Уж и «до мозга костей»! – с мягкой улыбкой перебила Эльза Эдуардовна.

По этой улыбке Косарев догадался, что история его с Ниной была ей тоже известна. Сам удивился почувствовав, что это ему почему-то приятно.

– Оба вы её вините, осторожно продолжала Эльза Эдуардовна – А ведь, кто знает? Может быть тут и его и ваша вина есть... Любит он её до сих пор без памяти!

Это последнее замечание удивило Косарева. Он хотел возразить. Но ничего не сказал: слова «старой чудачки» заставили его задуматься.

В августе Васильеву стало хуже: началось сильное кровохарканье, боль в горле. Говорить он мог теперь только шёпотом. Температура поднималась вечерами иногда до сорока. Он сделался ещё раздражительнее. Когда Эльза Эдуардовна спрашивала, что ему принести, говорил:

– Ничего не нужно. Виноград ваш есть невозможно, - кислятина. Вчерашняя курица – безо всякого вкуса.

Косарев его потом за это слегка упрекнул.

– Ничего, - ответил он с недоброй усмешкой, ей за меня на том свете орденки дадут.

Эльза Эдуардовна ходила теперь каждый день. Она всё порывалась поговорить с Васильевым о примирении с женой. Другой своей обязанностью она считала устроить так, чтобы умирающий причастился. Косарев её энергично отговаривал: боялся, что своими приставаниями она Васильеву только повредит.

– Ну, что Богу с такими господами делать прикажете? – сокрушалась она. – И вот ведь ещё какое затруднение: он, оказывается, на пять лет запрещён.

Видя, что Косарев не понимает, она пояснила:

– К причастию не может быть допущен.

– За что же это? – удивился тот.

– Ведь они разведены. Вы не знали? Да разведены. Вину он на себя взял. А таких запрещают. Ну, да это я устрою. До митрополита дойду, а устрою. Лишь бы согласился.

Придя в госпиталь дня через три, Косарев сразу увидел в Васильеве страшную перемену. Он лежал высоко на подушках, с запрокинутой головой, с опущенными на выпуклые глазные яблоки синими веками. На худой шее резко выдавался хрящеватый кадык.

– Температура спала, – просипел он, с трудом приподнимая правое веко.

Эльза Эдуардовна, которая тут же сидела, бросила на Косарева многозначительный взгляд. Косарев посмотрел висевшую в изголовье таблицу температур. «Конец!» – подумал.

Они хотели выйти вместе, но Васильев опять приподнял веко и сделал Эльзе Эдуардовне слабый знак рукой, чтобы она осталась. Косарев вышел один.

Через несколько минут Эльза Эдуардовна догнала его в коридоре. Глаза её были полны слёз, но сияли.

– Привести её скорее велел. Причаститься – тоже согласен. У владыки я была: всё улажено. Теперь вот что, голубчик, - свободны вы? Ну, отлично! Он обязательно хочет *сначала* с женой примириться. Просто – условием поставил. Так что я батюшку часам к шести попрошу. Я уговорилась, - здесь пустят. А вы поезжайте сейчас же за нею. Пойдите, надо вам адрес дать.

Они уже были в госпитальном саду. Эльза Эдуардовна, присев на скамейку, стала рыться в своей сумке, всегда до отказа набитой всякой всячиной.

– Как можно скорее её привозите, – продолжала она, не прерывая поисков. – Только, голубчик, пожалуйста, прошу вас, вы не думайте про неё какая она там есть, и не сомневайтесь. Ни в чём главное не сомневайтесь. Я знаю, у вас всегда сомнения. А вы – просто и сами верьте. Куда же это он девался? – перебила она свои наставления. Вынимала и раскладывала по скамейке носовые платки, ключи, портмоне, огрызок карандаша, множество бумажек. – поищите, пожалуйста. Она маленькая, голубенькая.

Косарев перебрал все бумажки, но «голубенькой» между ними не оказалось.

– Ну, значит, дома у меня – решила Эльза Эдуардовна. – Хотя странно: я чтобы не потерять, ничего нужного из сумки не вынимаю.

Они вместе пошли к ней, стали искать. Эльза Эдуардовна очень огорчалась, поминутно повторяла: «Дай Бог, памяти!» А Косареву все вспоминались слова Васильева: «Отчего *вам* он помогает, а мне

– нет». Тогда он почти не обратил на них внимания, а теперь не мог отделаться. Отчего, в самом деле, этому (в сущности, хорошему) человеку – так не везло в жизни? Отчего, даже теперь, глупая случайность готова лишить его последнего утешения?

– Я, когда он дал мне, подумала: «Надо в сохранное место спрятать». Вот и засунула, что не найдёшь! – продолжала причитать Эльза Эдуардовна, - Голубенькая бумажка! Он от какого-то письма оторвал. И размашисто так написано: «Нина живёт теперь на *рю...*» А какая „*рю*“², хоть убейте не помню! И он не помнит: беспокоился сейчас, цел ли он у меня.

Косареву пришла мысль позвонить одной знакомой, у которой мог быть этот несчастный адрес. Эльзе Эдуардовне он сказал, что идёт звонить по своему делу. Не хотел её зря обнадёживать: мало, почему-то рассчитывал на успех. Так и вышло, - знакомую он застал, но адреса она не помнила.

«Что теперь делать? Что предпринять?» – возвращаясь от телефона, терзался Косарев.

Эльза Эдуардовна встретила его сияющая, с обрывком голубой бумажки, которым помахивала.

– Вот он! Представьте, только что вы ушли, я подумала: «Чего я волнуюсь? Чтобы через мою глупую рассеянность наш Александр Васильевич пострадал, - да никогда Бог такой несправедливости не допустит!» только подумала, сейчас и вспомнила: в толстый словарь положила. Потрясла словарь, она и выпала! Поезжайте скорее и привозите её прямо в госпиталь.

Когда Эльза Эдуардовна говорила, – и так уверенно – что он привезёт Нину, Косареву несколько раз хотелось возразить: во-первых, адрес старый, может быть она там больше не живёт... Во-

---

² Rue = Улица... (фр.)

вторых, неизвестно, застанет ли он её дома...В-третьих...Но всех этих опасений он Эльзе Эдуардовне не сообщил: во время вспомнил, как она умоляла его не сомневаться.

– Берите такси! – крикнула она ему вдогонку, когда он уже сбегал с лестницы.

Несясь в автомобиле на противоположный конец Парижа, Косарев не мог отделаться от обрывков мучительных мыслей: «давно переехала», «нужно ей очень, что он при смерти»...И опять неотвязчиво лезло: «Вам помогает, а *мне* –нет».

Только очутившись на тротуаре перед высоким старым домом, он взглянул на адрес. Этаж не был указан.

Постучал в ложку *консьержки*³. На его вопрос, в каком этаже живёт мадам Васильева, *консьержка*, толстая и злая, как почти все парижские *консьержки*, отрываясь на минуту от разложенного на столе рукоделия, спокойно ответила, что такой квартирантки в доме нет.

«Так и есть!» - подумал Косарев.

– Не знаете ли, куда она переехала?

– Я не могу знать, куда она переехала, потому что она никогда здесь и не жила, - сказала *консьержка*.

– Как же мне адрес дали? Смотрите, и улица, и номер дома.

– Кто вам неверный адрес дал, того и спрашивайте. А здесь такой нет.

Сказав это она опять углубилась в свою работу.

«*Вам* помогает, а *мне* –нет».

---

³ *conciierge* = управдом

Косарев постоял в нерешимости. Потом, торопясь, чтобы *консьержка* не увидела, быстро прошёл в вестибюль, и стал подниматься по полутёмной лестнице, мимо чужих запертых дверей. Что было делать? Звонить в каждую квартиру? Подумал, что Эльза Эдуардовна так именно, конечно, и поступила бы.

Снизу зазвучали быстрые женские шаги. «Это Нина!...нет, невозможно!»

Его обогнала незнакомая дама. На четвёртом этаже перед дверью зубного врача, она остановилась. Косарев хотел тоже остановиться, подождать когда отопрут, спросить... но это показалось неудобным: *консьержка* могла услышать, что он беспокоит квартирантов.

Продолжал подниматься. Дошёл до шестого этажа. Дальше идти было некуда.

Некоторое время он стоял на площадке, с тяжёлым волнением прислушиваясь к доносившемуся из недр этого дома звукам. Как будто надеялся различить среди них знакомый голос. Гулкий, но невнятный разговор доносился снизу. В двух шагах от него, за запертой дверью квартиры, залаяла почуявшая его собачонка. Косареву вдруг непреодолимо захотелось позвонить в эту чужую квартиру, рассказать незнакомым людям, всё равно кому, про то, что обиженный им когда-то друг, умирая в госпитале, ждёт жену, которая его обманула и бросила, но которую он продолжает любить...захотелось просить их войти в положение, понять, помочь...он протянул уже руку к звонку. Но сейчас же, будто его электрическим током продёрнуло, поспешно её отнял. Каждым напряжённым нервом почувствовал он в эту минуту всю абсурдность, всю немыслимость своего предприятия: Нины в доме нет, найти её в Париже невозможно. И нет даже вокруг него

человека, с которым он мог бы посоветоваться или хотя бы поделиться своим отчаянием... «С консьержкой разве?» – подумал он со злой издёвкой.

Спускался он с лестнице очень медленно: какая-нибудь счастливая случайность могла разом всё устроить. Вдруг отворится одна из дверей... Кто-нибудь попадётся навстречу... Или сверху сойдёт... Но ничего не случилось. Да он, в сущности, и не надеялся, что случится. Не позволял себе надеяться. Собачонка в запертой квартире шестого этажа продолжала яростно лаять. «Вам помогает, а мне –нет».

Несколько минут спустя, Косарев уже сидел в такси и мчался обратно в госпиталь.

Эльза Эдуардовна стояла перед стеклянной дверью в палату. Рядом с ней стоял молодой священник.

– Вы одни?! – Испуганно-умоляющим движением она сложила перед собой руки.

– Она там не живёт.

– Как «не живёт»? Только что здесь была дама, сказала, что вы ей звонили, спрашивали адрес, она его нашла, это тот же самый. Да вы... под какой фамилией её искали? – спохватилась она вдруг. – Ведь они разведены, я вам говорила. Она под своей девичьей фамилией живёт.

– Как мне в голову это не пришло? – пробормотал Косарев. – эта проклятая консьержка... Я сейчас съезжу!

– Не успеете, перебила Эльза Эдуардовна. – Ему уже *пикюр*⁴ сделали. Лучше уговорим его причаститься. Войдёмте вместе, батюшка.

---

⁴ Piqûre = укол (фр.)

– Нет, что вы! Ради Бога! Разве можно так вдруг? – остановил Косарев. – Надо его предупредить.

– Если опасаетесь, идите предупредите, – сказал священник. – Только не мешкайте уж.

Косарев заглянул в палату. Васильев лежал в прежнем положении. Около его столика возилась с инструментами *инfirmьерша*⁵. С соседних коек, приподнявшись, смотрели больные.

Косарев, за ним Эльза Эдуардовна вошли в палату, тихо приблизились к койке умирающего.

– Нина здесь? – спросил он лишённым интонации хрипом.

– Сейчас придёт, сказала Эльза Эдуардовна. Не обращая внимания на знаки, которыми удерживал её Косарев, она решительно и поспешно прибавила: Батюшка здесь. Вам, Александр Васильевич, причаститься надо.

Васильев не ответил. Но он слышал, он понимал.

Косарев и Эльза Эдуардовна не сводили с него глаз. Веки умирающего заметно отекали.

– Батюшка, скорее! – неожиданно громко произнесла Эльза Эдуардовна, бросаясь к двери.

Священник быстрыми шагами подошёл к койке.

– Не за-хо-те-ла, - прохрипел Васильев.

Инfirmьерша, не торопясь взяла его пульс. Но, почти тотчас, оставила, Пощупала шею и, покачав головой, равнодушно сказала:

– *C'est trop tard!*⁶

---

⁵ infirmière = медсестра (Фр.)

⁶ поздно ! (фр.)

Через три дня, в маленькой комнате, рядом с мертвецкой, тот же священник отпевал покойника.

Они стояли втроём: Эльза Эдуардовна, Косарев и Нина. Снаружи то и дело заглядывали служащие похоронного бюро, спешившие покончить с дешёвыми похоронами.

Нина, вся красная, распухшая от слёз, громко по временам всхлипывала. Большие светлые глаза Эльзы Эдуардовны казались ещё больше и светлее. Она держала Нину под локоть и, с осторожной лаской, прижимала к себе её локоть.

Косарев уже знал от Нины, что когда он стоял тогда на площадке шестого этажа, она была в двух шагах от него, в квартире, где лаяла собачонка. Хотела даже выйти посмотреть, на кого она лает. «Почему она не вышла?» – упорно задавал он бесплодные теперь вопросы. – «Почему опустил я протянутую к звонку руку? Почему одним – помогает, а другим – нет?»

ГЕОРГИЙ ПЕСКОВ

**ОДНИМ – ПОМОГАЕТ,
А ДРУГИМ – НЕТ**

ПАРИЖ

1959

ИЗ КНИГИ

В РАССЕЯНИИ СУЩИЕ

tous droits réservés

ВСЕ ПРАВА СОХРАНЕНЫ ЗА АВТОРОМ

Copyright 1959 by the author